

К. В. Шевченко

*доктор исторических наук, профессор
Российского государственного социального университета
(Филиал в г. Минске, Беларусь)*

ЯЗЫКОВЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНЖЕНЕРИИ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Земли исторической Галицкой Руси, являвшиеся наиболее западной частью восточнославянского этнокультурного пространства и входившие в состав древнерусского государства, уже в 1340-е годы были захвачены польским королём Казимиром III Великим и включены в состав Польши. Галицко-русские земли, таким образом, значительно раньше остальных частей исторической Западной Руси оказались в составе польского государства и подверглись ассимиляционной политике польских властей, что оказало колоссальное влияние на последующее историческое и культурно-языковое развитие Галиции.

Галицко-русские деятели XIX века постоянно подчёркивали тесную историческую связь и цивилизационное единство галицких земель с остальной Русью. «Уже Вещий Олег (879–913), сделавший “матерь русских городов” Киев центром своего государства, соединил около 904 года под своей властью все племена до Карпат, — отмечал известный галицко-русский литератор и просветитель В. М. Площанский. — Во время смут ближайшие соседи ляхи воспользовались положением и присоединили к своим областям города Червень, Перемышль и другие с их землями. В 981–982 годах Владимир покорил своей власти отпавших и в походе на ляхов отнял у них захваченные области и города».¹ Влиятельный печатный орган галицко-русской интеллигенции львовская газета «Слово», провозглашая принадлежность русинов Галиции к единому русскому народу, писала в январе 1884 года: «Народ русский был, есть и будет один... То одно великанское дерево имеет два главных корня: в северном Новгороде и южном Киеве, а мы — ветвь того дерева».²

Полемизуя с польскими историками и прессой, галицко-русские просветители подчёркивали, что в раннее Средневековье русское население занимало значительно бóльшие территории, распространяясь

---

¹ Прикарпатская Русь. Редактор-издатель Венедикт М. Площанский. Ч. 2. Львов: В типографии Ставропигийского Института, 1885. С. 2.

² Слово. Львов, 10(22) января 1884. № 3.

далеко к западу от рек Вислок и Буг. Этнографическую границу между Польшей и Русью, по словам В. М. Площанского, «творила река Висла, а тоже за Вислою были русские поселения, даже целая Судомирская (Сандомирская) земля должна была быть населённою русскими, по-неже для здешних русских жителей польский князь Генрик Бородатый учредил в 1236 году русское епископство...»¹.

Впоследствии известный галицко-русский литератор и общественный деятель В. М. Площанский, подвергавшийся растущему давлению со стороны австрийских и польских властей, был вынужден эмигрировать в Российскую империю, где «по соизволению» императора Александра III в апреле 1888 года был принят на работу в Виленскую археографическую комиссию для разбора и издания древних актов². Длительное время эту комиссию возглавлял его земляк, бывший профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий, который из-за преследований со стороны австрийских и польских властей был вынужден эмигрировать в Россию ещё раньше. 28 ноября 1888 года в г. Вильно В. М. Площанский был приведён к присяге на подданство России³.

Примечательно, что в вопросе о наиболее западных этнических границах восточных славян с В. М. Площанским был вполне солидарен и известный русский учёный-славист И. П. Филевич, работавший в Варшавском университете. «Висла составляла очевидную восточную границу польского племени, которое в верхнем и среднем течении переходило за неё к югу и юго-востоку..., — писал в одном из своих трудов И. П. Филевич. — В верхнем течении реки русские поселения доходили до Кракова... В 50 вёрстах к востоку от Варшавы и теперь начинаются сплошные русские поселения»⁴.

Уже с первых десятилетий польского господства Галицкая Русь стала подвергаться жёсткой и системной ассимиляционной политике, проводившейся польскими властями. С целью скорейшей полонизации коренного православного галицко-русского населения использовались различные конфессиональные, этнокультурные и социально-экономические рычаги, включая административную поддержку немецкой и еврейской миграции в города Галицкой Руси со стороны польских властей. К XVIII–XIX векам эта политика достигла заметных результатов.

---

¹ Прикарпатская Русь. Редактор-издатель Венедикт М. Площанский. Ч. 3. Львов: В типографии Ставропигийского Института, 1885. С. 7.

² Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (LVIA). F. 596. Ap. 1. B.Nr. 218. L. 1.

³ LVIA. F. 596. Ap. 1. B.Nr. 218. L. 8-9.

⁴ Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1890. С. 25.

Известный галицко-русский просветитель, литератор и церковный деятель И. Наумович в одном из своих произведений сравнивал Галицкую Русь и русинов с несчастным христианским ребёнком, похищенным у родителей бродячими цыганами и заточённым в тёмную пещеру без света и свежего воздуха. «Это бедное, несчастное христианское дитя и всё, что оно вытерпело от цыган в тёмной пещере, представляет мне наш галицко-русский народ, который много выстрадал в своей исторической жизни»,¹ — говорит один из литературных персонажей И. Наумовича. Образ похитителей-цыган и тёмной пещеры под пером Наумовича стал символом многовекового польского господства над Галицкой Русью.

Отдавая себе отчёт в крайне неблагоприятных последствиях этого господства, галицко-русские общественные деятели, несмотря на сложные внутривосточные условия, ставили перед собой цель избавиться от чуждого языкового и культурного влияния и вернуться к своим «русским корням», что особенно ярко проявилось во время галицко-русского национального возрождения в XIX веке. «Наша Западная Русь, оторгнутая от своего исторического средоточия, подчинилась вредному влиянию. Мы пришли в политическом, церковном, социальном, нравственном и языковом отношении в ужасное расстройство, — откровенно писал в 1884 году в популярной львовской газете «Слово» известный галицко-русский общественный деятель Т. К. Блонский, выражая взгляды широких кругов галицко-русской интеллигенции. — Наша Русь потеряла высшие сословия; осталась только тёмная масса мужиков-крепаков и духовенство, пронизанное полонизмом»².

* * *

Поэтому вполне закономерно и естественно, что с началом галицко-русского национального возрождения в первой половине XIX века его отличительной чертой в языковой области стала ориентация галицко-русских будителей на высокоразвитый русский литературный язык и на русскую культуру в целом. Собственно, данное явление всегда было характерно для галицко-русского народа в лице его наиболее выдающихся представителей. Русский политический эмигрант и путешественник В. Кельсиев, побывавший в Восточной Галиции в 1860-е годы и основательно изучивший жизнь её коренного населения, писал в своих воспоминаниях: «Галичина — маленький рус-

¹ Сочинения Протоиерея И. Наумовича. Повести и рассказы из галицко-русской жизни. Том II. Петроград, 1914. С. 21.

² Слово. Львов, 3(15) января 1884. № 1.

ский мир, оторванный от общей русской жизни и ведущий пять веков свою особенную жизнь, жизнь борьбы и усилий к слиянию воедино с остальной, забывшею его, Русью. ...Изучение Галичины важно не только в политическом значении, Галичина имеет ещё другое важное значение как наглядное, вопиющее доказательство необходимости единства русских племён и как довод, что собирание Земли Русской — не интрига правительства и не ухищрение дипломатов, а просто инстинкт Русского Народа»¹.

Кельсиев с иронией комментировал широко распространённую в польском общественном мнении Галиции убеждённости в «подрывном влиянии» России на галицких русинов. «Поляки кричат, что это движение поднято русскими агентами, — писал Кельсиев, имея в виду отношение польской администрации к галицко-русскому движению. — Толкуют про рубли московские, а здесь в каждой копейке, потраченной на русское дело, могут дать отчёт, откуда она взялась. Нет, это не наша пропаганда: наши посольства и наши деятели даже не знают об этом крае. Если и есть здесь наша пропаганда, то её поляки ведут, работая против нас, но за нас... У поляков всё есть, кроме политического такта; на мелкие дела они мастера, на крупные — никуда не годятся...»².

В языковом вопросе представители галицко-русского возрождения исходили из того, что «наш простонародный говор не чистый, но испорченный заимствованием чужих слов и форм, русскому языку не свойственных... Наши литераторы начали свой галицко-русский язык очищать, обобщать и дополнять»³. Символично, что один из первых представителей галицко-русского возрождения, известный историк Д. И. Зубрицкий был убеждённым сторонником использования русского литературного языка в галицко-русской письменности. Свой капитальный труд по средневековой истории Галицкой Руси Д. И. Зубрицкий написал на русском литературном языке, полностью отдавая себе отчёт в том, что это будет крайне негативно воспринято австрийскими властями и польской администрацией Галиции. Распространение этого труда Д. И. Зубрицкого действительно столкнулось в Галиции с многочисленными административными препонами; австрийские и польские власти смотрели на подписчиков как на политически неблагонадёжных лиц⁴.

---

¹ Кельсиев В. Галичина и Молдавия. Путевые письма. Санкт-Петербург: Печатня В. Голвина, 1868. С. 162.

² Кельсиев В. Указ. соч. С. 30–31.

³ Слово. Львов, 3(15) января 1884. № 1.

⁴ Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX веков. Москва: Имперская традиция, 2007. С. 39.

В своём письме видному деятелю чешского национального возрождения Вацлаву Ганке 8 января 1853 года Д. И. Зубрицкий, комментируя язык своего труда, писал: «Вы одобряете употреблённый мною в Галичской истории язык. Я писал по-русски; ибо как немецкий, так и русский один только есть литературный язык. Как немцы в Страсбурге, в Дерпте, в Цюрихе и Гамбурге на одном только пишут наречии и понимают друг друга, так и русские должны писать на одном только, твёрдо уже основанном и изящно обработанном, диалекте. Не моя вина, что мои соотчичи по большей части не понимают его ещё теперь»¹. Впоследствии апелляция к языковому единству крупных европейских народов в лице немцев, французов, англичан и итальянцев, сумевших создать единые литературные языки вопреки существовавшим у них глубоким диалектным различиям, стала одним из главных аргументов сторонников общерусского языкового единства в Галиции и в Угорской Руси.

Однако естественная культурно-языковая ориентация галицких русинов на Россию и русскую культуру с самого начала искусственно тормозилась и всячески блокировалась ассимиляторской политикой польских властей. С разделами Речи Посполитой и с включением Восточной Галиции в состав Австрийской империи в 1772 году русины Галиции стали объектом этнокультурной инженерии Вены, которая ярко проявилась в языковой политике. Уже в 1816 году, как отмечал И. П. Филевич, «высшая власть Галичины прямо возбуждает сомнения относительно русского преподавания в народных школах. Митрополиту было предложено обсудить следующие соображения: русский язык осложняет преподавание; ...не целесообразно бы было вести начальное обучение на польском языке; если бы митрополит с этим не согласился, то не будет ли подходящим принять для русского языка латинскую азбуку?... Решительно выступил против русского языка львовский латинский архиепископ Анквич. Он заявил, что... Галичина — часть Польши и потому польский язык считается в ней народным... Благодаря протестам митрополита, русские народные школы не были уничтожены и остались в заведовании русской консистории, но на «рутенский» язык была брошена сильная тень... Послышались указания на его связь с русским языком в России... Таким образом, к 1820-м годам вполне обнаружилось взгляды австрийского правительства на Галицкую Русь»².

¹ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В. А. Францев, профессор Императорского Варшавского Университета. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1905. С. 389.

² Филевич И. П. Из истории Карпатской Руси. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1907. С. 22–23.

Анализируя языковую политику австрийских властей в области образования, известный галицко-русский учёный, профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий обращал внимание на то, что «австрийцы допускали для всех народностей соплеменные научные пособия. Без всякого прекословия введены были не только немецкие и итальянские учебники, напечатанные за границей в Германии и Италии, но допущено и употребление сербских, румынских и польских книг, напечатанных в Белграде, Бухаресте, Варшаве и Познани, только для одних русских в Галичине и Венгрии правительство не допустило ни одного учебника из России и не позволило даже пользоваться сочинениями русских писателей. Приказано было составлять учебники на галицко-русском (рутенском) жаргоне, а пока выработается своя литература, оставить преподавание на немецком языке. А г. Пыпин ещё издаётся над галичанами, что они не знают русской литературы и плохо пишут по-русски»¹.

В одном из своих писем чешскому будителю В. Ганке Д. И. Зубрицкий, намекая на мощное культурно-языковое давление на галицких русинов со стороны австрийских властей и местной польской администрации, с грустным юмором отмечал 4 сентября 1846 года: «Мы, галицкие русины, — странные человеки, обучаемся всем языкам, а на собственном писать нам невозможно...»².

Важной отличительной чертой языковой ситуации в Галицкой Руси изначально было постоянное давление на галицко-русский язык и литературу со стороны польской администрации, а также со стороны польских учёных и литераторов, стремившихся любыми путями полонизировать галицких русинов. В качестве конкретных методов полонизации предполагалось как введение польской латиницы в местную письменность, так и растворение галицко-русской литературной традиции в польской литературе.

В 1833 году известный польский литератор и собиратель фольклора из Галиции В. Залесский издал сборник польских и галицко-русских народных песен; при этом галицко-русские народные песни были записаны польской латиницей. В предисловии к своему сборнику В. Залесский прямо высказал мысль о том, что «галицкие русины должны присоединиться к польской литературе»³. Более того, Залесский даже выразил весьма самонадеянную и бесконечно далёкую от элементарной

¹ Головацкий Я. Ф. Заметки и дополнения к статьям г. Пыпина, напечатанным в Вестнике Европы за 1885 и 1886 годы. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1888. С. 53–54.

² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В. А. Францев, профессор Императорского Варшавского Университета. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1905. С. 385.

³ Пашаева Н. М. Указ. соч. С. 17.

корректности надежду, что все славянские народы, использующие кириллицу, в конце концов оставят «эти старые буквы»¹. Ещё один польский литератор из Львова, А. Росцишевский, советовал даже известному русскому историку, профессору Московского университета М. П. Погодину оставить «свои иероглифы» и ввести в России латинские буквы².

С вхождением Галиции в состав Австрийской империи в 1772 году традиционная польская политика ассимиляции галицких русинов была дополнена и развита австрийскими властями с учётом интересов и предпочтений Вены. По словам галицко-русского учёного и просветителя Я. Ф. Головацкого, «австрийцы всеми мерами старались не допускать сношений русских галичан с Россией и не позволяли им пользоваться русской литературой». «Немецкая администрация, — объяснял причины подобной политики Головацкий, — боялась сознания в народе письменного единства с Россией, а римско-католическая иерархия опасалась сближения галицких униатов с русским православием. Немцы и поляки, казалось, берегли непоколебимость галичан лояльной верности австрийскому цесарю и римскому папе»³.

Суть австрийской политики в отношении галицких русинов предельно чётко сформулировал во время революционных событий 1848 года австрийский губернатор Галиции граф Стадион. В ходе встречи с представителями галицко-русской общественности Стадион откровенно заявил о том, что русины могут рассчитывать на поддержку правительства «только в том случае, если захотят быть самостоятельным народом» и откажутся «от национального единства с народом... в России»⁴.

В переписке с чешским будителем В. Ганкой Я. Ф. Головацкий приводил многочисленные примеры прямого административного давления и вмешательства в литературу и письменность галицких русинов со стороны австрийских властей и польской администрации Галиции. Так, в письме В. Ганке от 30 января 1859 года Я. Ф. Головацкий сообщал: «Новостей у нас никаких нет по части литературы... Писатели боятся что-нибудь писать... Учителям приказано беречься всякого слова, которое заимствовано из великорусского или церковного языка, книжная цензурная ревизия строго наблюдает, чтобы в новоизданных книгах не употреблялись слова или формы, сходные с русским (книжно-российским) языком... Вследствие распоряжения министерства науки и культа [в оригинале — «Министеріи Наукъ и Культу»] издал

---

¹ Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. 11.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Белгородский А. В. Галиция — исконное достояние России. Москва: Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1914. С. 37.

Преосвященный епископ окружное послание ко всем священникам, катихитам и законоучителям... в котором запрещается заимствовать слова и формы из богослужебного церковно-славянского языка, и пр. При таких обстоятельствах невозможен успех литературных произведений, — подводил печальный итог Головацкий. — Матица Галицко-русская не издаёт ничего. Авторы умолкли. Журналы подавлены. Безнадёжность водворяется. Грустное положение, жалкая будущность!»¹. Яркой иллюстрацией к сказанному Головацким может служить тот факт, что совершенно лояльное властям литературное издание галицких русинов «Зоря Галицкая», издававшаяся в 1850-е годы, подвергалась постоянному давлению австрийской администрации за «чрезмерное использование московских слов»².

В своём очередном письме В. Ганке от 16 февраля 1860 года Я. Ф. Головацкий, сожалея по поводу «удушения» единственного русского политического журнала «Вестник для русинов», издававшегося в Вене, что он связывал с назначением бывшего наместника Галиции польского графа А. Голуховского министром, писал: «гражданский шрифт запрещён... выс. декретом для употребления в школах, а здешними властями распространяется это запрещение на все русские сочинения...»³. Указывая на последовательность и системность политики австрийских властей, стремившихся к максимальному культурно-языковому отдалению галицких русинов от русского литературного языка и русской культуры львовское «Слово» констатировало в январе 1884 года: «Будучи уже под Австрией, нас правительственные мужи подозревали и почему-то не взлюбили... Кто дерзал писать по-русски, хотя бы весьма плохо, падал в подозрение москалефильства и подвергался надзору; издать печатью какой-нибудь русский букварец было ужасною дерзостью»⁴.

Очередной виток этноязыковой инженерии, организованный австрийскими властями и польской администрацией Галиции для денационализации галицких русинов, предполагал полную отмену кириллицы и перевод галицко-русской письменности на латинскую графику. Подобные попытки неоднократно предпринимались и ранее, однако на сей раз этноязыковая атака на русинов Галиции была основательно подготовлена в организационном отношении и к ней были подключе-

---

¹ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В. А. Францев, профессор Императорского Варшавского Университета. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1905. С. 232.

² Францев В. А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX столетия. Ужгород, 1930. С. 23.

³ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель... С. 236.

⁴ Слово. Львов, 3(15) января 1884. № 1.

ны высшие чиновники как в Вене, так и во Львове. Одним из инициаторов данной далекоидущей этноязыковой агрессии против коренного населения Галицкой Руси был наместник Галиции польский граф А. Голуховский, который прямо заявил о том, что введение латиницы продиктовано необходимостью положить конец распространению «великорусского языка». По словам А. Голуховского, сами русины «ничего не сделали, чтобы отграничить свой язык и шрифт от великорусского языка, и поэтому правительство было вынуждено взять инициативу в свои руки»¹. Современник описываемых событий Я. Ф. Головацкий писал впоследствии, что «план Голуховского был широко задуман, и принимались всякие меры к истреблению кириллицы и уничтожению всяких связей со славяно-русским миром»².

Предпосылки для постепенного перевода галицко-русской письменности на латиницу готовились австрийскими властями заблаговременно и постепенно. Так, в 1852 году австрийский император Франц Иосиф II приказал отвечать на обращения галицких русинов в органы власти на местном диалекте, но непременно латинскими буквами. Наиболее энергичными инициаторами «переформатирования» традиционной идентичности галицких русинов на антирусской основе стали галицкие поляки. Одним из непосредственных организаторов данного проекта был прибывший в 1848 году в Галицию польский эмигрант из Франции Г. Яблонский, выходец с российской Украины. Яблонский, хорошо знакомый с украинофильским движением в России, считал, что галицким полякам целесообразнее не отрицать национальность галицких русинов, пытаясь их полонизировать, а прививать им сознание собственной национальной особенности и враждебности к великороссам с целью последующего использования русинов Галиции в борьбе с Россией. Практическим выражением данных намерений стало основание в мае 1848 года украинофильского общества «Руский Собор» и издание газеты «Дневник Руский» («Dnewnyk Ruskij»), во главе которой встали И. Вагилевич и Г. Яблонский³. Примечательно, что «Дневник Руский» печатался в основном латиницей и занимал откровенно пропольские позиции, внушая галицким русинам идеи враждебности к России и выступая против разделения Галиции на польскую и русинскую части. Таким образом, «самые первые проявления политического украинофильства в Галиции были инициированы поляками и... имели своей целью использование русинов в качестве орудия для

---

¹ Пашаева Н. М. Указ. соч. С. 41.

² Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. 79.

³ См.: Соколов Л. Вопрос о национальной принадлежности галицких русинов в 1848 году // www.edrus.org/content/view/236/47/

обеспечения польских интересов как во внутренней, так и во внешней политике»¹. Однако инициативы «Русского Собора» не получили поддержки галицко-русского населения Галиции, оставшись в то время маргинальным политическим проектом. Впоследствии эстафету этнокультурной инженерии в Галиции подхватили австрийские власти, которые поставили это на более широкую институциональную основу.

В 1859 году наместник Галиции польский граф А. Голуховский выступил с инициативой перевода письменности местных русинов на латинскую графику и введения в местные галицко-русские школы латиницы с целью ограничить растущее влияние русского литературного языка, популярность которого среди галицких русинов, по мнению Голуховского, представляла серьёзную угрозу для Австрийского государства. Подобный шаг галицкого наместника, помимо стремления положить конец культурному влиянию России, объяснялся ещё и тем, что «доносами на москвофильство в Галиции он открывал полякам путь к реабилитации в глазах австрийского правительства за их революционные выступления, что позволило бы полякам окончательно завладеть всей Галицией»². Австрийское правительство и влиятельный министр просвещения Австрии граф Тун полностью поддержали предложение Голуховского.

Для разработки конкретных мер по введению латиницы была создана специальная комиссия в составе ведущих галицко-русских деятелей Галиции, двух немецких чиновников аппарата наместника и чиновника австрийского министерства просвещения чеха Й. Йиречка (зятя известного чешского будителя П. Й. Шафарика), на которого была возложена задача по разработке латинской графики для галицких русинов. Возложение столь деликатной обязанности на чеха объяснялось стремлением австрийских властей выглядеть максимально нейтральными в данном щекотливом вопросе и избежать обвинений со стороны галицких русинов в полонизации, которые были бы неизбежны, если бы подобная миссия была возложена на поляка³.

Йиречек, не имевший необходимого филологического образования, тем не менее, рьяно взялся за выполнение поставленной задачи. Проконсультировавшись с лингвистами, Йиречек за короткое время сумел создать латинскую графику, переход на которую, по его мнению, привёл бы к отрыву галицких русинов от церковнославянской культурной традиции и от русского литературного языка, способствуя

---

¹ Соколов Л. Указ. соч.

² Сімович В. Йозеф Йречек і українська мова (до азбучної заверюхи 1859 р.). Прага, 1933. С. 1.

³ Там же. С. 2–3.

развитию особой идентичности русинского населения Восточной Галиции. Однако план латинизации галицких русинов закончился тогда полным провалом из-за энергичного сопротивления галицко-русских общественных деятелей, справедливо воспринявших инициативу австро-польских властей как «польскую интригу» и «покушение на русскую народность и тысячелетнюю культурную традицию». Против латиницы высказалось и большинство галицко-русских членов созданной австрийскими властями комиссии.

Стремясь добиться согласия галицко-русских деятелей на введение латиницы, Голуховский пытался оказать на них давление с помощью представителей местных польских научных кругов, которые поддерживали контакты с галицко-русскими учёными. По воспоминаниям очевидца и участника тех событий Я. Ф. Головацкого, «Голуховский подсылал даже к нам своих парламентёров..., профессоров Иакинфа Лобаржевского и Войтеха Урбанского, поляков, с которыми мы были в дружеских отношениях... В дружеском разговоре в Ботаническом саду здравствующий ещё ныне библиотекарь университета Др. Урбанский с особенным усердием старался убедить нас в том, какая польза была бы для русских галичан, если бы они отреклись от русского византизма и от отсталой кириллицы и решились принять польский алфавит и европейскую цивилизацию... На это мы отвечали собеседникам нашим: “Что бы вы, поляки, сказали на то, если бы, например, князь Паскевич обещал кому-нибудь из польской интеллигенции: откажитесь от латинки и примите русскую азбуку для польской литературы, я подготовил всё, государь и министры согласны, правительство готово перепечатать все ваши лучшие сочинения на казённый счёт”. “Ни один поляк не продаст достояния отцов своих...”, — воскликнул Урбанский. “Точно также дорога и нам наша кириллица и ещё дороже, потому что она старше вашего абецадла и с ней связан вероисповедный вопрос. Ваша письменность начинается с XIV столетия, а наша в два раза древнее и ведёт своё начало от Нестора и Кирилла и Мефодия!”»¹. Стойкая и принципиальная позиция ведущих представителей галицко-русской интеллигенции в 1859 году сорвала очередную этноязыковую агрессию со стороны австрийской и польской администрации.

«Единомыслие и горячая привязанность ко всему, что русское, одушевляла патриотов наших, когда в 1859 году печальной памяти граф Голуховский вознамерился ввести в наше письмо латинские буквы: как один муж встали они на защиту нашей исторической, прадедовской азбуки, и благодаря их решительности и энергии это нападение на нашу

---

¹ Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. 79–80.

народную святость оказалось безуспешным»,¹ — так комментировала в январе 1892 года тревожные для галицких русинов события 1859 года газета «Галицкая Русь».

Впрочем, проекты введения различных вариантов латиницы — с неизменной целью окончательного разрушения общего культурно-языкового пространства восточных славян — неоднократно реанимировались и в более позднее время. В частности, планы перевода украинской письменности на латинскую графику вынашивал нацистский гауляйтер Украины Э. Кох в период оккупации украинских земель нацистской Германией в 1941–1944 годах².

Неудачей закончилась и предпринятая сразу после этого попытка реформы местной кириллицы, из которой власти намеревались убрать сразу несколько букв, в том числе «ъ», что также преследовало цель отдалить галицко-русскую письменность от русского литературного языка. В результате противодействия галицко-русской интеллигенции эта реформа была отменена в 1861 году. Примечательно, что, рассуждая о необходимости введения латиницы или реформирования кириллицы под предлогом лучшего отражения фонетических особенностей языка галицких русинов, Йиречек очень высоко отзывался об украинской «Грамматике» Кулиша, опубликованной в 1857 году в Петербурге³. Впоследствии в своём этнокультурном эксперименте по выращиванию украинцев из галицких русинов австрийские и польские власти сделают ставку именно на «Грамматику» П. Кулиша и его фонетическое правописание и добьются серьёзных успехов на поприще этнокультурной инженерии.

С изобретением украинской фонетической письменности Пантелеймоном Кулишом (так называемая «кулишивка»), созданной в противовес русской этимологической письменности, австро-польские этнокультурные технологи в Галиции получили новое эффективное оружие как для отрыва русских галичан от русского литературного языка, так и для воздействия на самосознание галицко-русского населения. Известно, что сам П. Кулиш крайне негативно реагировал на использование созданного им алфавита поляками для углубления культурного и языкового раскола между малороссами и великороссами. Характеризуя состояние польского общества Восточной Галиции во второй половине XIX века, известный карпато-русский общественный деятель

---

¹ Галицкая Русь. Львов, 26 января (7 февраля) 1892. № 21.

² *Баринев И.* Направление – Украина. Опыт изучения нацистской оккупационной политики 1941–1944. Москва, 2014. С. 194.

³ *Сімович В.* Йозеф Їречек і українська мова (до азбучної заверюхи 1859 р.). Прага, 1933. С. 23.

А. И. Добрянский метко замечал, что «все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологией, не мазурской или польской, — нет, но исключительно нашей русской, чтобы при содействии наших изменников создать новый русско-польский язык, от которого переход к чисто польскому не представлял бы уже никаких почти затруднений»⁴.

Если в Российской империи распространению украинской фонетической письменности ставились серьёзные преграды («запреты украинского языка» в 1863 и 1876 годах русскими властями были в первую очередь запретами не столько украинского языка как такового, сколько запретами именно фонетического правописания), то австрийские власти, преследуя политические цели, энергично способствовали распространению «кулишивки» в Галиции. Данная языковая политика была призвана вырвать галицких русинов из лона общерусской культуры и русского литературного языка, создав предпосылки для последующего переформатирования их идентичности. Это полностью соответствовало традициям австрийской политики этнокультурной инженерии в отношении славянских народов, цель которой заключалась в максимальном подрыве этноязыкового единства славян и в их максимальном отдалении от России в культурно-языковом отношении.

Ещё ранее, например, в значительной степени под воздействием Вены и её влиятельного лоббиста из академических кругов, известного учёного-слависта Е. Копитара, была осуществлена реформа сербского литературного языка Вуком Караджичем, которая, как полагают многие современные сербские учёные, привела к окончательному разрыву сербского языка с церковно-славянской культурной традицией и русским литературным языком. Более того, «коварный Копитар» пытался организовать переход в унию православных сербов в австрийской Воеводине. Так, он настойчиво убеждал известного чешского будителя П. Й. Шафарика, работавшего в 1820-е годы директором сербской православной семинарии в г. Нови Сад, выступить в качестве «инструмента для склонения сербов к унии»⁵. Нежелание Шафарика играть столь сомнительную роль стало одной из причин последующего негативного отношения к нему со стороны Копитара⁶.

В 1892 году при поддержке польских политиков школьная рада Галиции, идя навстречу предложениям местных украинофильских

---

⁴ Добрянский А. И. О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси. Москва, 1885. С. 12.

⁵ Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vydal V.A. Francev. Část 1. V Praze: Nákladem České Akademie Věd a Umění, 1927. S. VII.

⁶ Ibidem.

обществ, приняла решение о введении украинского фонетического письма («кулишивки») в систему местного образования, прежде всего в учебники для народных школ и средних учебных заведений. Это решение вызвало волну недовольства среди галицко-русского населения и интеллигенции. Помимо ряда научно-просветительских и культурных галицко-русских обществ в кампании протеста приняли участие и многочисленные галицкие сельские общины. По словам известного галицко-русского публициста и общественного деятеля О. А. Мончаловского, «необходимость введения фонетического правописания... основана на чисто политических мотивах, чтобы Червоная Русь не употребляла такого правописания, какое употребляется в России, именно этимологического»¹.

Ещё в 1884 году авторитетный печатный орган галицко-русской интеллигенции львовская газета «Слово» крайне критически и уничижительно отзывалась о языковых новшествах украинофилов и о фонетическом правописании П. Кулиша. Украинофильская партия, по словам этой хорошо информированной газеты, «набиралась из ополченных русских фамилий. Они начали простонародный худой язык шпиговать чудовищными словами и формами, взятыми нарочно с чужбины...». «Чем причудливее было слово, тем лучше, — писало львовское «Слово» в январе 1884 года, — принимая украинизм и вымышленный сумбур в язык литературный, они приняли и изобретённую Кулишем фонетику... Из такой смеси вышел гадкий хаос: отрицание языка литературного...»².

Проследивая сложную и болезненную эволюцию галицко-русского языка и письменности, Я. Ф. Головацкий констатировал, что «в XVII и XVIII столетиях польская администрация и униатская иерархия до того исковеркали письменную речь и так обезобразили русский язык, что от него отказались сами русские интеллигенты. Приближая своё наречие к чистому русскому стилю, галичане вводят в общественный язык множество чисто русских слов, очищают его от полонизмов, знакомят народ со славяно-русскими выражениями и таким образом дают возможность читать и понимать всякие русские и церковные книги...». «Напротив того, мнимые народовцы, — критически отзывался о языковой деятельности украинофилов Головацкий, — придумывая новые слова, коверкая их на польский лад и принимая чешские и сербские выражения, вместо того, чтобы приблизить, отталкивают народ от русского корня, из которого вырос народный говор и здоровыми соками

---

¹ Мончаловский О. А. Литературное и политическое украинофильство. Львов: Типография Ставропигийского Института, 1898. С. 87.

² Слово. Львов, 7(19) января 1884. № 2.

которого питался в продолжение тысячи лет. Галичане жили с остальной Русью тысячу лет в мире и никогда не спорили о моём и твоём...»¹.

Грубое административное навязывание чуждого и непривычного галицким русинам фонетического правописания вызвало массу критических публикаций на страницах галицко-русской прессы, которая справедливо рассматривала новый этноязыковой эксперимент австрийских властей и польской администрации как продолжение неудавшейся в 1859 году «голуховщины». По словам популярной среди галицко-русской интеллигенции газеты «Галицкая Русь», «тогдашние представители Галицкой Руси мужественно отклонили проект Голуховского, стремящийся к замене русских букв латинскими... Проект замены русских букв латинскими упал, но не упало желание оторвать Галицкую Русь от исторических основ развития её литературы, а тем... подорвать связи с её историческим прошлым. Одним из средств к достижению этой затеи имеет служить введение фонетики в русское письмо...»². Здесь же газета отмечала подозрительно быструю положительную реакцию польской администрации Галиции на ходатайство местных украинофильских «Педагогического общества» и «Научного общества имени Шевченко» о введении фонетики вместо традиционного этимологического письма. Газета «Галицкая Русь» делала на основании этого вполне логичный вывод о том, что вопрос о введении фонетики был заранее решён властями³.

В одной из своих публикаций «Галицкая Русь» справедливо расценивала введение фонетического письма вместо традиционного этимологического как «переворот, глубоко затрагивающий русскую народность в её основаниях»⁴. По мнению газеты, это также «вопрос политический», поскольку тем самым школа неизбежно втянется в сферу национальной и партийной борьбы. «Галицкая Русь» прозорливо предсказывала, что введение фонетики — только начало, только одно из звеньев в «целой цепи дальнейших реформ на организме нашей народности»⁵.

Галицко-русская пресса и многочисленные галицко-русские просветительские и культурные общества, прекрасно осознавая, что за введением фонетики стоит Вена и польская администрация Галиции, пытались, тем не менее, активно противостоять этим планам и отстаивать традиционную для галицких русинов этимологическую письменность. Так, 21 февраля 1893 года на страницах галицко-русской газеты

---

¹ Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. 69.

² Галицкая Русь. Львов, 30 января (11 февраля) 1892. № 24.

³ Там же.

⁴ Галицкая Русь. Львов, 6 (18) июня 1892. № 127.

⁵ Там же.

«Галичанин» было опубликовано обращение крупнейшего галицко-русского культурно-просветительского Общества имени М. Качковского императору Австро-Венгрии Францу Иосифу. «Ваше цесарское и королевское Величество! Глубокое смущение и беспокойство овладело целым русским населением в Галичине... Введение фонетического вместо столетиями санкционированного этимологического правописания... лишено всякого основания, — писали руководители Общества имени Качковского. — Введение фонетического правописания нанесло бы русской письменности весьма чувствительный вред, понеже явилось бы весьма существенным препятствием к образованию литературного языка... Фонетическое правописание находится в противоположности и противоречии к литературным, историческим и церковным традициям русского народа»¹.

Критикуя бурную кампанию в украинофильской прессе Галиции за введение фонетики, галицко-русская пресса не без иронии замечала, что одно из ведущих украинофильских изданий, львовская газета «Дило», горячо выступая за фонетику, в то же самое время продолжает использовать на своих страницах традиционное галицко-русское этимологическое правописание². Галицко-русские деятели критиковали представителей украинофильского лагеря, а также местную администрацию за противодействие галицко-русской общественности в сборе подписей против введения фонетики путём использования административного ресурса. «Поветовые староства... развивают сильную акцию против подписания петиций Его Величеству императору против введения фонетики, — сообщал 16 февраля 1893 года львовский «Галичанин». — Недавно мы приводили слова комиссара тернопольского староства, запрещающие сельским начальникам подписывать петиции против фонетики»³.

Борьба вокруг введения фонетического правописания быстро вышла за узкоязыковые рамки и приобрела колоссальный общественный и даже церковный резонанс. Довольно критически галицко-русские деятели отзывались и о позиции в языковом вопросе тогдашнего главы греко-католической церкви в Галиции митрополита С. Сембратовича, который, действуя в унисон с властями, с одобрением отнёсся к введению «ненавистой и вредоносной фонетики»⁴. Перипетии и дискуссии вокруг введения фонетики дали основание авторитетной галицко-русской газете «Галичанин» сделать вывод о том, что цели польских по-

---

¹ Галичанин. Львов, 9 (21) лютого 1893. № 29.

² Галичанин. Львов, 4 (16) лютого 1893. № 25.

³ Галичанин. Львов, 4 (16) лютого 1893. № 25.

⁴ Галичанин. Львов, 18 (30) марта 1895. № 63.

литиков в отношении русского народа в Галиции на протяжении столетий были неизменны. По словам газеты, эти цели заключались «в рабощении русского народа, в его ополячении и олатинщени. Тактика тех политиков всегда коварная, но изменяется по обстоятельствам и по времени... Тут, на нашей земле, те политики желали бы видеть одних лишь украинофилов, но только таких, которые представляли бы не что иное, как первую фазу преобразования русского народа в польский. Они хотят в галицко-русском народе видеть украинцев, отдельный народ, но такой народ, — подчёркивал львовский «Галичанин», — который бы вечно служил шляхетской Польше»¹.

В этой связи примечательно, что эмигрировавшие в Россию представители галицко-русской интеллигенции единодушно поддержали как решительные действия русских властей по подавлению польского восстания 1863–1864 годов, так и политику виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва, направленную на системную деполонизацию белорусских и литовских земель. По случаю открытия памятника М. Н. Муравьёву русской общественностью г. Вильно в 1898 году проживавшие в Санкт-Петербурге галицко-русские деятели прислали приветственную телеграмму. «Проживающие в Петербурге уроженцы Галицкой Руси, руководимые чувством особого уважения к незабвенной памяти графа Михаила Николаевича Муравьёва, шлют к подножию открываемого ему ныне памятника земной поклон от себя и от своей родины, испытывающей до сих пор все ужасы крамолы, которую так мужественно подавлял великий русский деятель»,² — говорилось в телеграмме русских галичан.

Неслучайно главой Виленской археографической комиссии, которая должна была «разбирать хранящиеся в Виленском центральном и других архивах северо-западных губерний древние акты и документы и издавать наиболее важные в научном отношении»,³ был назначен эмигрант из Галиции и видный деятель галицко-русского национального возрождения профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий. Именно Я. Ф. Головацкому русское правительство доверило крайне важную в политическом отношении научную и издательскую работу на территории северо-западных губерний, призванную показать исконно русский характер белорусских земель и необоснованность польских претензий на эти области.

Одним из следствий введения фонетической письменности стало усиление кампании преследования русского литературного языка

---

¹ Галичанин. Львов, 25 марта (6 апреля) 1895. № 69.

² LVIA. F. 439. Ap. 1. B.№. 92. L. 40.

³ LVIA. F. 596. Ap. 1. B.№. 70. L. 17.

в Галиции и на территории соседней Буковины. Так, «воспитанникам Львовской духовной семинарии запретили обучаться ему, у учеников стали отбирать книжки, написанные на русском литературном языке, общества студентов “Буковина” в Черновцах и “Академический кружок” во Львове были закрыты...»¹. Активное участие в борьбе с русским литературным языком приняли высшие иерархи греко-католической церкви Галиции, включая митрополита С. Сембратовича, «покорного слуги графа К. Бадени»². Именно Сембратович дал «почин к изданию пастырского послания, запрещающего духовенству и мирянам выписывать и читать орган русской партии “Червонную Русь”, многим священникам отнял отличия и достоинства благочинных»³.

Активная борьба галицко-русского населения против введения фонетики продолжалась несколько лет. Однако, как отмечал О. А. Мончаловский, «не помогли прошения к императору, представления, внесённые русской партией в министерство, и протесты против введения фонетики, поддержанные 50 тысячами подписей русского населения Галичины»⁴. В начале XX века галицко-русские депутаты австрийского парламента Марков и Глебовицкий «требовали для русского языка прав гражданства наравне с прочими языками монархии. Присланные в 1908 году в львовский сейм и венский парламент многочисленные (около 70 000) петиции отдельных лиц и обществ о признании за русским языком в Галиции прав гражданства в школе, администрации и суде были оставлены правительством без всякого внимания»⁵.

Галицко-русские активисты продолжали свою упорную и самоотверженную борьбу за русский литературный язык даже на скамье подсудимых во время судебных преследований со стороны австрийских властей. Так, в ходе знакового судебного процесса над группой галицких русофилов накануне Первой мировой войны в марте 1914 года один из подсудимых, известный галицко-русский общественный деятель и публицист Семён Бендасюк заявил, что «национальное единство русского народа от Тисы до Камчатки» является для него «непоколебимым принципом»⁶. По словам Семёна Бендасюка, продолжавшего традиции галицко-русских будителей XIX века, «русский язык является единственным литературным языком всего русского народа; прочие

---

¹ Пашаева Н. М. Указ. соч. С. 81.

² Мончаловский О. А. Литературное и политическое украинофильство. С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Белгородский А. В. Галиция — исконное достояние России. Москва: Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1914. С. 44.

⁶ Čas. V Praze 11 března 1914. Číslo 69.

же славянские языки лишь идиомы и наречия»¹. В то время данная точка зрения ещё поддерживалась значительной частью галицко-русской интеллигенции...

Вопреки массовым протестам галицко-русского населения, украинское фонетическое правописание было не только оставлено в учебных заведениях Галиции, но и введено на территории соседней Буковины. По мере того, как выпускники галицких школ, воспитанные на украинском фонетическом алфавите, вступали в общественную жизнь, сфера применения русского этимологического письма сужалась за счёт расширения сферы украинского фонетического правописания. По мнению современных галицко-украинских исследователей, именно благодаря новому поколению, воспитанному на «фонетике», некогда полностью русофильская Галиция достаточно быстро превратилась в «украинский Пьемонт»². Окончательное торжество украинской идентичности в Галиции было связано с трагическими событиями Первой мировой войны, когда галицко-русская интеллигенция стала жертвой массовых преследований со стороны австро-венгерских властей и в значительной степени была физически уничтожена в австрийских концлагерях и в ходе многочисленных внесудебных расправ.

Тем не менее и в межвоенный период уже в составе Польши в Галиции сохранялось галицко-русское культурно-языковое наследие и островки традиционного галицко-русского самосознания. Так, в 1937 году русская Галиция торжественно отметила столетнюю годовщину смерти А. С. Пушкина. «Галицкая Русь не может обойти молчанием этого великана духа и мысли. Год 1937 — это год Пушкина. Его имя должно прозвучать в самых глухих деревушках Галицкой Руси, — говорилось в сборнике, изданном Галицко-русской Матицей во Львове в честь великого русского поэта. — Слух о Пушкине проник в самые отдалённые места вселенной. Збруч-река, хотя и была оберегаема щетиной австрийских штыков, не в силах была задержать его раската. Гений Александра Сергеевича имел большое влияние на всё творчество Галицкой Руси. ...И. Н. Гушалевиц, священник и преподаватель гимназии в одном лице, весьма популярный лирический стихотворец и драматург на Галицкой Руси, являлся самым ревностным учеником Пушкина... И. Г. Наумович, священник-просветитель Галицкой Руси..., делал из патриотических произведений Пушкина свои парафразы...»³.

---

¹ Ibidem.

² См.: *Чорновол І.* Польсько-українська угода 1890-1894 рр. Львів, 2000.

³ Галицкая Русь Пушкину в 100-летнюю годовщину его смерти. Редактор В. Р. Ваврик. Львов: Издание Научно-литературного Общества Галицко-русская Матица, 1937. С. 4, 9.

Таким образом, галицко-русское национальное возрождение в XIX веке протекало под знаком литературно-языкового единства галицких русинов с Россией и русской культурой, которое исповедовали все крупнейшие галицко-русские культурные и научные деятели. Неоднократные попытки австрийских и польских властей насадить латинскую графику в галицко-русскую письменность для отрыва галицких русинов от русского литературного языка и последующего переформатирования их идентичности первоначально были неудачны. Однако с изобретением фонетического правописания П. Кулишем и его насильственным внедрением в галицко-русскую письменность и систему образования австрийской и польской администрации Галиции постепенно удалось оторвать русских галичан от русского литературного языка и общерусского культурного пространства, распространив украинскую идентичность среди местного населения. Тем не менее галицко-русская культурная традиция, исходившая из идеи общерусского единства, продолжала существовать в Галиции и в первой половине XX века.

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменков М. Н.</i> Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей в истории Смоленского государственного университета	5
<i>Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский</i> Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой	7
<i>Щипков А. В.</i> Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой в контексте религиозной жизни в СССР	8
<i>Аристархов В. В.</i> О концепции культурно-образовательной политики	17
<i>Щипкова Л. В.</i> Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики	20
<i>Каиль М. В.</i> Отцы-основатели и рождение «советского университета» в Смоленске	27
<i>Перевезенцев С. В.</i> Историческое сознание: опыт типологизации	32
<i>Козлов Ю. В.</i> Литературный процесс и евангельские тексты	46
<i>Щипков В. А.</i> Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке	51
<i>Ковалёва В. С.</i> Традиции и сегодняшний день филологического факультета СГПИ — СГПУ — СмолГУ	55
<i>Гронский А. Д.</i> «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе	59
<i>Власова Ю. Н.</i> Из истории кафедры французского языка СмолГУ	69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенкова А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеевков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137